
ПАМЯТИ УШЕДШИХ

Марина Алексеевна Салмина

(30 октября 1927—8 февраля 2013)

8 февраля 2013 г. ушла из жизни Марина Алексеевна Салмина, специалист по древнерусской литературе, ученица Дмитрия Сергеевича Лихачева, его биограф и библиограф, человек, полвека посвятивший Отделу древнерусской литературы Пушкинского Дома.

Марина Алексеевна Салмина родилась 30 октября 1927 г. в Ленинграде, в семье представителя старой княжеской фамилии морского офицера Алексея Дмитриевича Шеина, еще в годы Первой мировой войны служившего на Балтийском флоте. По линии матери, Марианны Николаевны (урожд. Алексеевой), Марина Алексеевна была внучкой генерал-майора Н. И. Алексеева, расстрелянного большевиками в 1919 г., правнучкой флота генерал-майора И. И. Чайковского, родного брата композитора П. И. Чайковского, праправнучкой участника Бородинского сражения А. С. Алексеева. Марина Алексеевна всю жизнь прожила на Васильевском острове, помнила о своих дворянских корнях и была настоящей носительницей старой петербургской культуры.

После окончания школы Марина Алексеевна поступила на исторический факультет Ленинградского университета, и с тех пор ее жизнь оказалась тесно связанной с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым. Она слушала его лекции по летописанию, палеографии, культуре Древней Руси, занималась в его семинаре по источниковедению русского средневековья. Под руководством Д. С. Лихачева Марина Алексеевна написала и в 1952 г. защитила дипломную работу, посвященную древнерусским повестям. По материалам дипломной работы была написана и первая статья «„О причинах гибели царств“, сочинение начала XVII века», опубликованная в 1954 г. в 10-м томе Трудов Отдела древнерусской литературы. Уже эта работа М. А. Салминой представляет собой классическую публикацию памятника, включающую историографический и археографический обзоры, идейный и языковой анализы произведения, текстологическую характеристику списков и собственно публикацию с разночтениями. Оценивая первую статью Марины Алексеевны, Д. С. Лихачев писал в своем отзыве: «Работа М. А. Салминой рекомендует ее всесторонне подготовленным для исследования древнерусских литературных произведений работником. <...> Представленная работа вполне позволяет

Марина Алексеевна Салмина.
Пушкинский Дом. Вторые Лихачевские чтения. 25 ноября 2003 г.

считать, что в лице ее автора Сектор получит подготовленного и творчески самостоятельного аспиранта».

Окончание Мариной Алексеевной университета совпало с уходом Д. С. Лихачева с кафедры истории СССР. С 1953 г. он работал только в Пушкинском Доме — и возможно, это и определило судьбу Марины Алексеевны. В 1953 г. она поступает к нему в аспирантуру — уже в Сектор древнерусской литературы, которым Д. С. Лихачев стал заведовать с 1954 г. С этого времени он в большой степени рассчитывал на своих учеников, в первую очередь на М. А. Салмину и Р. П. Дмитриеву.

Университетское историческое образование Марины Алексеевны определило ее дальнейшие научные интересы: историческое повествование в литературе Древней Руси. Темой кандидатской диссертации были избраны Повести о начале Москвы, защита состоялась 8 июня 1961 г. на филологическом факультете Ленинградского университета. В диссертационную работу М. А. Салминой вошло текстологическое и историко-литературное исследование двух памятников: «Повести о зачале Москвы» и «Сказания об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы». Вышедшую уже через три года после защиты монографию (Повести о начале Москвы. М.; Л., 1964), следуя пожеланиям официального оппонента И. П. Еремина, Марина Алексеевна дополнила еще двумя текстами: «Сказанием о зачатии Москвы и Крутицкой епископии» и «Преданием об основании Москвы Олегом»; монография содержит полный цикл памятников о начале Москвы. Для русистов-древников более поздних поколений текстологические диссертации,

в которых изучаются одно или несколько произведений, обязательным условием для которых является привлечение максимального, в идеале — полного числа списков, стало явлением повседневным. Большинство кандидатских диссертаций пишутся именно так, поскольку текстологическая работа кроме изучения конкретного памятника — еще и прекрасная филологическая школа для начинающего исследователя. Но это для более поздних, более молодых поколений, настольная книга которых — «Текстология» Д. С. Лихачева. Когда писали свои диссертации Руфина Петровна Дмитриева и Марина Алексеевна Салмина, «Текстологии» еще не было, и, давая своим ученицам текстологические темы, Дмитрий Сергеевич результатами их работы проверял свои собственные наблюдения и выводы, что и отразилось в его классическом ныне труде. Они были первыми. Основательность и безупречность текстологических заключений Марины Алексеевны в исследовании Повестей о начале Москвы позволили скорректировать выводы ее предшественников, С. К. Шамбинаго, М. Н. Тихомирова и Л. Н. Пушкирева, определить источники памятников и уверенно датировать их не XVI, а XVII в. Особую роль текстологии в диссертации и книге М. А. Салминой подчеркивали и оппоненты И. П. Еремин и А. Н. Робинсон, и рецензенты В. П. Адрианова-Перетц и Я. С. Лурье. «Исследование <...> построено М. А. Салминой на прочной текстологической основе, которая сразу дает ей существенное преимущество перед всеми исследователями», — писала В. П. Адрианова-Перетц.

После завершения работы над Повестями о начале Москвы Марина Алексеевна обращается к памятникам, посвященным другим древнерусским городам (невольно встает вопрос, а не сказалась ли в этом ее любовь к путешествиям? Да и сама история — не путешествие ли это во времени?). Среди них «Сказание вкратце о бывшем пожаре града Ярославля» (ТОДРЛ, т. 21) и «Повесть о взятии Смоленска Иваном Грозным» (ТОДРЛ, т. 24, 53).

Параллельно Марина Алексеевна начинает работать над взаимоотношениями древнерусских летописей и «Задонщины» и «Сказания о Мамаевом побоище». На обширном текстологическом материале она доказала влияние «Летописной повести» о Куликовской битве на «Сказание», равно как и на «Задонщину». Время создания «Летописной повести» (не ранее конца 1440-х гг.) позволило уточнить и датировку «Сказания». В свою очередь «Задонщина», как показала М. А. Салмина, была источником рассказа о битве под Оршей, содержащегося в Псковской летописи.

Марину Алексеевну, любившую все неизведанное, в памятниках древнерусской литературы очень привлекали «темные места», неясные чтения, и она пыталась разгадать, объяснить их, привлекая самые разнообразные исторические реалии, современные сочинения или восходящие к далекой античности. В неясностях она видела тайнопись — и с увлечением бралась за эти загадки. Так родились ее краткие статьи-комментарии к «Сказанию о Мамаевом побоище» и к «Слову о полку Игореве».

Нельзя не упомянуть еще об одной работе Марины Алексеевны, о которой она сама говорила, что получилась она «совсем случайно», когда пришлось наводить справки в стенах Исторического архива для профессора Венского университета И. И. Хамма. Небольшая по объему, лаконичная

статья М. А. Салминой в 27-м томе Трудов Отдела древнерусской литературы представила вниманию читателей личность, совершенно забытую в советские годы, — начальника Русской Духовной миссии в Иерусалиме с 1865 по 1894 г. архимандрита Антонина (Андрея Ивановича Капустина). Отец Антонин — фигура уникальная, он был большим знатоком рукописей, как русских, так и арабских и еврейских, прекрасным археологом, нумизматом, этнографом, богословом, как никто другой много сделавшим для создания и обустройства Русской Палестины. Впервые после 1917 г. Марина Алексеевна напомнила о нем — и дала блестящую характеристику наиболее ценному, быть может, источнику из его наследия — обширному «Дневнику», который о. Антонин вел всю жизнь. Возможно, Марина Алексеевна и не считала эту статью главной для себя, и возможно, в 1972 г. в томе Трудов эта статья и выделялась своей необычностью, но сейчас, когда и Патриархия, и правительство Российской Федерации все чаще поднимают вопрос о русских владениях в Святой Земле, именно эта работа М. А. Салминой имеет громадное, не только научное, но и общественно-политическое значение. Ссылки на нее присутствуют во всех появившихся в последние годы работах, посвященных «Дневнику» о. Антонина, а начавшаяся публикация «Дневника» (в 2011 г. вышел в свет том, содержащий «Дневник» за 1881 г.) будет своеобразным памятником и Марине Алексеевне тоже.

Особую гордость у Марины Алексеевны вызывала ее вторая книга, о Хронике Манассии. Выявляя источники «Повести о зачале Москвы», М. А. Салмина в качестве одного из них назвала Хронограф 1512 г., который в свою очередь восходит к Хронике Константина Манассии, причем из Хроники Манассии в текст Повести проникли даже отдельные грецизмы. С середины 1960-х гг. исследование Хроники Манассии стало основной научной темой М. А. Салминой; эта работа продолжалась более двадцати лет. Скрупулезные поиски в рукописных отделах и архивах позволили выявить и описать рукописи с текстами Хроники среднеболгарского, сербского и русского изводов. Переведенная в XIV в. на болгарский язык, Хроника византийского писателя XII в. Константина Манассии стала известна на Руси не позднее рубежа XV—XVI вв. и, по наблюдениям М. А. Салминой, «в значительной мере определила стиль и манеру русского хронографического повествования», тот стиль, который Д. С. Лихачев назвал стилем «второго монументализма». Изучая Хронику Манассии, Марина Алексеевна не ограничилась историей текста только в Древней Руси, а занялась всеми славянскими переводами византийского памятника, т. е. и болгарской, и сербской, и русской его ветвями.

Для более детального исследования первоначального, болгарского, перевода она несколько раз была командирована в Болгарию, в том числе и на семинары по изучению болгарского языка; много общалась с болгарскими коллегами. Итогом этой поистине грандиозной работы стала вышедшая в 1988 г. в Софии фундаментальная монография «Среднеболгарский перевод Хроники Константина Манассии в славянских литературах». На титульном листе книги значатся четыре автора (введение написано Д. С. Лихачевым, И. Дуйчев написал обзорную статью по истории текста Хроники и сделал

описание Ватиканского списка болгарского извода, словоуказатели к текстам составлены О. В. Твороговым), однако главным автором этого труда была М. А. Салмина, именно ею была проделана сложнейшая текстология памятника на трех славянских языках. Из этой книги у Марины Алексеевны вполне могла бы получиться прекрасная докторская диссертация, но этого делать она не стала. Чины и звания для нее имели мало значения.

Всегда подтянутая, стройная, элегантная, с гордо поднятой головой, — и при этом доброжелательная, ровная в общении и энергичная, Марина Алексеевна была настоящим символом Сектора древнерусской литературы в период его расцвета. Мало кто, глядя на нее, общаясь с нею, задумывался, что именно на ее долю выпала весомая часть ежедневной, кропотливой, подчас рутинной работы по Сектору. Марина Алексеевна просто никогда не давала повода задумываться об этом.

С 1960 г. М. А. Салмина была ответственным секретарем Трудов Отдела древнерусской литературы, с 1969 по 2006 г., в течение тридцати семи лет, — бессменным их редактором. Всего за эти годы ею было подготовлено к печати тридцать пять томов ТОДРЛ. Она вела всю работу с авторами, включая рецензирование, снятие вопросов и работу с корректурами, которые иногородним и иностранным авторам посылались по почте, а часто к этим бандеролям добавлялись и новые книги, вышедшие в Секторе/Отделе. В обязанности Марины Алексеевны входила и работа с издательским редактором. Она была в прямом смысле посредником между автором и рецензентом тома, ответственным его редактором (долгие годы — Д. С. Лихачевым), редактором издательства. Она была исключительно корректна со всеми, всегда могла найти общий язык и свой подход к каждому, сохраняя мир и спокойствие. Она терпеливо объясняла, как можно улучшить ту или иную статью, — и наверное, каждый из нас помнит, как по-матерински заботливо она правила наши первые, неумелые еще статьи...

Марина Алексеевна Салмина в течение пятидесяти лет работы в Отделе была неизменным составителем библиографических указателей по древнерусской литературе. Первый справочник, в составлении которого она принимала участие (в соавторстве с В. А. Колобановым и О. Ф. Коноваловой), вышел в свет в 1956 г., это — «Библиография советских работ по древнерусской литературе за 1945—1955 гг.», под редакцией Д. С. Лихачева. Впоследствии материал этого издания был полностью включен в фундаментальную «Библиографию... за 1917—1957 гг.» (М.; Л., 1961), составленную Н. Ф. Дробленковой, однако принципы составления и размещения материала (расположение по годам, внутри каждого года по алфавиту, сплошная нумерация позиций, именные и тематические указатели, краткие аннотации), которым следовали все дальнейшие выпуски «Библиографий...», были впервые разработаны именно для издания 1956 г. Эти принципы изложены во вступительной статье «От редактора», они выработаны для полной библиографии древнерусской литературы в отличие от довоенных тематических библиографий, составленных В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской (Древнерусская повесть. М.; Л., 1940 и «Слово о полку Игореве»: Библиография изданий переводов и исследований. М.; Л., 1940).

Марина Алексеевна принимала участие в составлении и семи последующих выпусков «Библиографий...».

С 1966 г. М. А. Салмина вела летопись жизни Дмитрия Сергеевича Лихачева, была его личным биографом и библиографом, составляла все списки его работ и литературы о нем, будь то отдельные выпуски, издаваемые Академией наук, или тематические указатели к его монографиям или сборникам работ. Делала это она с особой тщательностью, собирая малейшие, даже газетные упоминания о Дмитрие Сергеевиче. Он сам выбрал ее для этой работы, и, видимо, решающую роль сыграли ее личные качества: глубокая порядочность, сдержанность и бесконечная преданность учителю. Дмитрию Сергеевичу, его принципам, его морально-этическим устоям Марина Алексеевна осталась верна до конца.

М. А. Салмина всегда принимала участие во всех коллективных трудах Отдела. Для издания «Памятники литературы Древней Руси» ею было подготовлено и прокомментировано девять текстов. За эту работу в составе коллектива 7 декабря 1993 г. ей была присуждена Государственная премия Российской Федерации. Участвовала она и в продолжающемся ныне издании «Библиотека литературы Древней Руси».

Для «Словаря книжников и книжности Древней Руси» Мариной Алексеевной было написано более сорока статей, почти столько же — для «Энциклопедии „Слова о полку Игореве“».

Необходимо отметить, что не все научные идеи М. А. Салминой вызывали единодушное признание. Обладая острым умом, независимостью суждений, она подчас видела новые аспекты в текстах, фактах и проблемах, которые казались незыблемыми. И сознательно шла на спор, не утверждая абсолютную правоту, а задавая порой простые, непосредственные вопросы. И как она в этом была права! Новый взгляд на устоявшиеся вещи подталкивает к размышлениям, а стало быть, — к новым исследованиям, за которыми, быть может, последуют и новые выводы. Как известно, именно в спорах рождается истина. У Марины Алексеевны новые постановки задач очень органично переплетались с ее любовью вообще ко всему новому.

Новое она действительно любила, будь это фотоаппарат или кинокамера, новые впечатления, новые города, новые книги. Новыми для нее были утонувшие в Океане доисторические цивилизации и вземные миры...

Марина Алексеевна была удивительным человеком. Истинная петербургская аристократка, она принадлежала к той редкой сейчас когорте интеллигентов, для которой были оскорбительны даже не слова, а тон, каким они сказаны... Сама Марина Алексеевна лишних слов не говорила, она считала ненужными наигранные сочувствия и вздохи. Она была очень отзывчивой — не на словах, а на деле, конкретно представляя себе, в чем именно нужно проявить заботу, что именно нужно *сделать*. Марина Алексеевна обладала большим чувством собственного достоинства, с которым редкостным образом сочеталась быстрота реакций и эмоций. И всегда независимость — независимость мнений, суждений, оценок, поступков, независимость честного и принципиального человека.

И еще. Любила Марина Алексеевна не только новое, но и «новенькое», это было ее слово. Она приходила в Сектор — и слышался ее вопрос: «А что у нас

новенького?». Или, устав от однообразия: «Нам нужно придумать что-нибудь новенькое!». И когда придумать «новенькое» удавалось, Марина Алексеевна улыбалась такой заразительной, действительно лучезарной улыбкой, такие веселые, озорные, в чем-то детские искорки загорались в ее глазах, что совершенно невозможно было не заразиться этим озорством, не улыбаться, не радоваться жизни вместе с нею...

Вечная память.

В. А. Ромодановская